

ПЯТЪ

НЯПЪЗДИНГ,
СЭНСЭЕ

ОПЛА

Макс Фрай

НяпиZдинг, сэнсэе

«АСТ»

2014

Фрай М.

НяпиZдинг, сэнсэе / М. Фрай — «АСТ», 2014

О содержании этой книги с уверенностью можно сказать одно: Заратустра ничего подобного не говорил. Но наверняка не раз обо всём этом задумывался. Потому что вопросы всё больше простые и очевидные. Собственно, Макс Фрай всего этого тоже не говорил. Зато время от времени записывал – на бумажных салфетках в кафе, на оборотах рекламных листовок, на пополах слонов, поддерживающих земную твердь, на кучевых облаках, в собственном телефоне и на полях позавчерашних газет. Потому что иногда записать – это самый простой способ подумать и сформулировать.

Содержание

А	6
Б	7
В	9
Г	25
Д	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Макс Фрай

НяпиZдинг, сэнсэе

Книга публикуется в авторской редакции

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Капитан Очевидность умер, и теперь все позволено.

А

Автор текста должен быть равновелик (как минимум) своему замыслу, поднятая тема должна помещаться в него целиком. Это недостаточное, но совершенно необходимое условие успешного решения задачи.

Поэтому так много талантливых и интересных житейских историй (любого формата, включая дневниковые записи). И поэтому же очень мало кому удастся писать о любви и смерти так, чтобы читать не было стыдно, скучно и тошно.

И совсем уж мало кому – о непостижимом и неопределённом.

Точно знать, что в тебя помещается, а что нет, гораздо важнее, чем иметь большие размеры себя. Потому что размеры наращиваются постепенно, как мышцы в ходе тренировок, дело житейское. Но тренировки начинаются только после того, как заканчиваются мучительные и бессмысленные попытки засунуть слона в прикроватную тумбочку.

Б

Бог дается (или не дается) человеку в ощущениях, поэтому вопрос «есть ли Бог?» из числа самых бесполезных. Ощущения – штука зыбкая, переменчивая. То есть, то нет. То – бац! – опять есть.

Разнообразные ритуалы придумывались для появления сходных ощущений у достаточно большого числа представителей текущей культуры. Храмы замышлялись как «места силы», где ощущения обостряются. Вряд ли можно изобрести ритуал, который будет воздействовать на всех; с местом несколько проще, есть такие, где вообще все хоть что-то дополнительное чувствуют. Как интерпретируют – это уже не очень важно.

Вера, строго говоря, просто доверие собственным ощущениям. А дискуссии совершенно бесполезны, Бог – штукавина сугубо практическая, а не теоретическая, чего тут обсуждать.

Бог – это то, наедине с чем мы остаёмся, когда нас нет.

А способов попробовать, что такое «меня нет» великое множество. Каждый в отдельности мало кому подходит; всякому подходит хоть что-нибудь.

Чего тут думать, прыгать надо, прыгать. Прыгать.

* * *

Больше всего на свете люблю, когда моя картина мира трещит по швам. Почаще бы она это делала!

Потому что, во-первых, у меня такая базовая картина мира, что... Короче. Свифта читали? Так вот, он по сравнению со мной суший ангельчик.

Примерно девяносто процентов осколков Андерсеновского зеркала осели в моих глазах. Остальные десять были честно поделены между прочим человечеством.

Я, конечно, умею приводить свою картину мира в более-менее пристойный вид. Каждый день этим занимаюсь с самого раннего детства. Такой тяжёлый труд, что на остальные действия почти не остается сил. Хотя у меня их много.

Но даже будучи приведённой в порядок моя картина мира – и это уже во-вторых! – неполна и несовершенна. Потому что мне приходится пользоваться умом человеческим аналитическим одна штука. Другого не завезли. А человеческий ум просто не способен вместить картину мира, более-менее приближённую к полной и совершенной.

Поэтому всякое обрушение своей картины мира я считаю очередным уточнением.

И надо сказать, за годы жизни моя картина мира уточнилась, так сказать, в обе стороны. В смысле, всё даже хуже, чем мне с самого начала казалось. Но при этом намного лучше! И это совсем не парадокс. А просто очередное уточнение.

* * *

Будем честны, почти никто из людей не имеет вообще никакого моста к своей подлинной природе (пока не займется специальными практиками, да и то большой вопрос, получится

ли хоть что-то при жизни). При этом каждый человек ощущает дикий голод на этом месте (вопрос лишь в том, осознает он или нет, а если осознает, то под наркозом, или вживую).

Этот голод кормится, по большей части, фантазиями. Фантазии, конечно же, вполне себе могут подкрепляться удивительными ощущениями и прочей условной плотью. Потому что заполнить именно эту дыру человеку надо позарез.

Это вопрос не просто жизни и смерти, а бессмертия и небытия. Потому что за бессмертие отвечает подлинная природа, к которой у смертной сиюминутной личности доступа нет.

Собственно, все стоящие практики, как понимаю я сейчас, завязаны на вытаскивание бессмертного сознания в сиюминутность, где оно может сплавиться с личностью, и тогда бессмертной станет именно та личность, которая живет сейчас. А не только смутное и неопределённое богоподобное нечто, с которым она (личность) вообще не знакома.

Ну и понятно, что никаких серьёзных разговоров на эту тему быть не может, пока нет безупречной внутренней честности, позволяющей сказать (себе же): вот это явно мои фантазии, а это просто сны, а вот это смутное незнамо что, может быть правда обо мне, а может быть тоже неправда, я пока просто не знаю.

Такая честность подобна самоубийству самурая, только еще жёстче, потому что отсекает иллюзию собственного бессмертия, ставит лицом к лицу с небытием.

Если часто практиковать этот невыносимый пиздец, появляется небольшой шанс пойти дальше. Туда, где нас ждёт уже не иллюзия. Вернее, не стопроцентная иллюзия, потому что немножко бессмертного невыразимого в ней тоже есть.

Наверное.

В

В ботаническом саду гуляла пара, мальчик и девочка. То есть, дяденька и тетенька лет двадцати с чем-нибудь, но в состоянии «мальчик и девочка». Очень радостные и довольные жизнью.

Потом они начали фотографироваться. Девочка зашла в самую гущу цветущих лилий и стала там подпрыгивать, размахивая руками и всем своим видом демонстрируя восторг. А мальчик фотографировал, стараясь, как я понимаю, запечатлеть момент прыжка.

Потом они вместе осматривали результат, и девочка снова шла в цветы радостно прыгать, а мальчик снова щелкал кнопку. В перерывах они оба выглядели озабоченными, усталыми и даже раздражёнными. То есть, как типичные дяденька и тетенька, если называть вещи своими именами.

Потом съёмка наконец закончилась, парочка незамедлительно обрела прежнее блаженное состояние и отправилась бродить среди цветов и трав.

И вот в чём парадокс.

...Правда состоит в том, что этим людям было очень хорошо сегодня в ботаническом саду. Фотография, над которой они бились, призвана, как я понимаю, задокументировать их в высшей степени позитивные переживания для дальнейшего предъявления гипотетической публике.

Однако для создания эффектной наглядной демонстрации состояния «нам очень хорошо» ребятам пришлось временно выйти из этого состояния.

То есть, в момент производства отчёта о блаженстве хорошо им вовсе не было. Модель старательно изображала визуальные проявления радости, а фотограф старался сделать соответствующий радостный снимок. У них не получалось, но они пробовали снова и снова. Устали от неудач, были раздражены.

Однако в итоге фотография (если она всё-таки получилась) станет совершенно правдивым отчетом о счастливой прогулке в ботаническом саду, вот в чём штука.

То есть, людям пришлось соврать для того чтобы внятно и эффектно сказать правду.

На их месте мог быть (и регулярно оказывается) всякий художник.

* * *

В детстве мне часто снился сон про некрасивый массивный дом (так называемый «сталинский», как выяснилось много позже). Как я иду по улице мимо и смотрю на арку, которая ведет во двор, и у меня двойственное чувство – с одной стороны, дом кажется мне таящим угрозу, а с другой, очень притягательным. Так и тянет войти под эту арку, но я остаюсь на месте и просыпаюсь с чувством облегчения – уффф, пронесло.

Во сне мне было известно, что дом этот находится где-то в Одессе.

В Одессе мы тогда проводили около месяца в году – летний отпуск родителей. Мне там была знакома только дорога от нашего дома до пляжа «Дельфин», кладбище на Слободке, куда меня таскали родители, парк имени Ленина возле дома, где мы часто гуляли по вечерам, и

улица Дерибасовская, куда мы иногда торжественно (на такси) отправлялись в кафе-мороженое. Сталинского дома с аркой на этих маршрутах не было. Мне, конечно, хотелось его отыскать, но возможности ребёнка в этом смысле крайне ограничены.

...Потом, когда мы вернулись в Одессу, мне было уже девять лет, и мои исследовательские возможности существенно расширились. Но дом с аркой так и не попался мне на глаза, а потом сны о нем не то чтобы забылись, но перестали казаться чем-то важным, и поиски прекратились.

Когда мне было шестнадцать лет, мне дали на пару дней книгу стихов Арсения Тарковского. Неважно, кто дал и почему, скажу только, что владелец книги сильно переоценивал меня как потенциального читателя.

Поэзия меня в ту пору интересовала крайне условно. Ну, то есть, если пишешь свои стишки (а кто в шестнадцать лет их не пишет), надо иногда читать чужие. Из вежливости, что ли. И, по возможности, прилюдно хвалить – которые складные и не слишком скучные. Чтобы не подумали, будто тебя, кроме собственных стихов ничего не интересует.

Как-то, в общем, так обстояли мои отношения с поэзией.

И вот иду я по городу с книгой Тарковского в сумке. Из центра домой, на проспект Шевченко, незнакомым маршрутом. Потому что игра в Северо-Западный проход, позаимствованная из рассказа Уэллса «Дверь в стене» по-прежнему оставалась для меня столь же увлекательной, как в детстве. Пройти по незнакомым улицам, заблудиться, испугаться неведомо чего, обрадоваться, обнаружив знакомый переулок, и два часа спустя вернуться домой, как из далёкого путешествия – это мне всегда было интересно; более того, жизненно необходимо.

...На этот раз меня занесло в совсем уж незнакомый район. И в какой-то момент показалось нелишним отдохнуть, а заодно сообразить, куда идти дальше. И, самое главное, покурить. Пачка финского «Мальборо» стала таким важным атрибутом новой взрослой жизни, что не покурить в ходе героического путешествия по неисследованным землям было просто невозможно. А для этого требовалась скамейка, желательно в более-менее уединенном месте, потому что перекур – это в первую очередь пауза. Отдых от человеческого мира и в некотором смысле от себя.

Уютное место нашлось в огромном проходном дворе, занимающем пространство между двумя улицами. Как заведено в Одессе, двор был зелёный, как положено в середине дня, безлюдный, и скамейка там нашлась, вполне себе скрытая от посторонних глаз кустами изготавившейся зацвести сирени.

При этом просто сидеть и курить мне быстро надоело. Мне в ту пору нравилось гулять в одиночку, но довольно плохо получалось в одиночку сидеть на месте. Приходилось затыкать внутреннее молчание какой-нибудь книжкой. А книжка у меня с собой была – стихи Тарковского. Очень кстати! Вежливость требовала прочитать из неё хоть что-то. Чтобы потом, когда хозяин книжки спросит: «Ну как?» – можно было бодро отбарабанить: «Очень здорово, особенно вот это и вон то». И бойко добавить фактуру, позволяющую опознать якобы любимые стихотворения. Всякий, кто ухитрялся быть отличником в школе, открывая учебники только на переменах перед соответствующими уроками, хорошо знаком с этой техникой.

И вот открываю я книгу стихов Арсения Тарковского. От скуки и из вежливости. И читаю: «Я так давно родился, что слышу иногда, как надо мной проходит студёная вода», – ну и все.

В смысле, для меня наступила прекрасная вечность, проведённая на дне речном. «И город мне приснился на каменном берегу» – это был совершенно конкретный город. И «зелё-

ный луч звезды» вдруг блеснул для меня в солнечном дневном одесском небе. И вообще всё невозможное и немислимое, что должно было случиться, случилось.

Это было полное и чистое разделение опыта с автором. Это было – восприятие. Это было то, ради чего мы все здесь, на этой прекрасной земле, собрались, хотя тогда мне, конечно, в голову не пришло бы думать такими категориями.

Это было одно из важнейших событий в моей жизни. Один из тех внутренних переворотов, которые кардинально изменяют человека и, соответственно, весь мир. Вернее, закладывают фундамент грядущих (и уже неизбежных) изменений. А когда берёшься описывать их словами, то и сказать толком нечего.

Как мне сейчас.

В какой-то момент наступившая вечность всё-таки сменилась нормальным течением времени, сигарета была докурена, книга отправилась обратно в сумку. Пора было идти дальше.

...Поскольку одно из наиважнейших правил моей игры в Северо-Западный проход – не возвращаться, пока окончательно не зайдёшь в тупик, пришлось поискать другой выход из двора. Выход нашёлся – арка, ведущая на улицу (как потом оказалось, Сегедскую).

И уже на улице, когда стало примерно понятно, где я, и в какую сторону идти дальше, что-то дёрнуло меня обернуться.

Конечно, это был тот самый сталинский дом. И та самая арка. Во сне мне не хватало духу туда войти, а наяву входить было уже не нужно, потому что я – уже оттуда.

Очень хорошо помню, что это узнавание не вызвало во мне вообще никаких эмоций. Мне не было ни страшно, ни торжественно, ни даже интересно. Мне было всё равно.

Всё уже случилось, и существо, которое вышло из двора, скрытого за таинственной аркой, было равнодушно к обещаниям, которые неоднократно давали во сне ребёнку, которым оно (существо) когда-то было.

Мне понадобилось очень много лет, огромная дистанция, отделяющая меня не только от ребёнка-сновидца, но и от существа, вышедшего в тот день из-под арки, чтобы оценить наконец красоту обещания инициации и ее тихое, лишённое внешних атрибутов магии воплощение.

* * *

В маленьком супермаркете ИКІ кассирша спрашивает: «А вам нужен ваш чек?»

Рассеяно киваю. Чек мне не то чтобы нужен, но я их всегда забираю. Не знаю, зачем. Просто по привычке.

Её коллега из соседней кассы в ответ на мой кивок торжествующе ухмыляется и швыряет в мою кассиршу бумажным шариком – скомканным чеком. Прямо в лоб!

«Вам точно нужен ваш чек?» – переспрашивает моя кассирша, адресуя мне взгляд настолько выразительный и заговорщический, словно мы три года просидели за одной школьной партией. И теперь у нас фронтовое братство на всю жизнь, не отменяемое дальнейшими житейскими обстоятельствами.

«О, конечно нет. Мне не нужен чек».

А кто на моем месте ответил бы иначе?

Кассирша улыбается столь ослепительно, словно ей только что была дарована власть над миром, и сейчас она наконец устроит всё по-своему. Раз и навсегда!

Комкает мой чек и швыряет его в обидчицу. Один – один!

Глаза соперниц горят счастливым азартом – кому достанется следующий чек? Обе недлинные очереди, как нарочно составленные из граждан всех возможных цветов, возрастов и полов, добродушно ржут.

Больше всего на свете я люблю, когда люди ведут себя как живые люди. Когда увлекаются игрой, когда доверчиво приглашают в игру всякого незнакомца, не опасаясь, что он побежит стучать начальству. Когда не боятся ни незнакомцев, ни начальства, ни наказания за нарушение инструкций. Когда вообще ни черта не боятся – не потому что такие уж храбрые, а потому что испугаться просто в голову не пришло.

Никогда не устану этим любоваться. Никогда.

Потому что именно отвлекаясь на подобные пустяки, человек возвращается к своей подлинной природе, которая столь далека от прагматичной звериной повадки, все еще позволяющей успешно выживать среди себе подобных, что преодолеть это расстояние можно только за долю секунды или вообще никогда.

* * *

В окнах одного виленского кафе стоят огромные вёдерные колбы из прозрачного стекла, заполненные винными пробками. Это довольно красиво; во всяком случае, такой дизайн в моем вкусе.

Но тут есть одна проблема: пробки слишком чистые.

Ну то есть, они совершенно чистые. Без винных пятен, свидетельствующих, что каждая пробка когда-то закрывала бутылку, которую однажды открыли и распили. За каждой испачканной пробкой была бы история: вот эту бутылку уговорили старые друзья после многолетней разлуки, а эта оказалась лишней и спровоцировала безобразную сцену, из этой сварили глинтвейн, согрелись и не простудились, а эту выпили вдвоём из горлышка и целовались после каждого глотка, эту бутылку разбили, не донесли до дома, и было очень обидно, или наоборот, смешно. И так далее, и так далее.

Мне достаточно увидеть винные пятна на пробках, чтобы сотни историй проявились, ожили и защебетали в моем сознании. А когда я не вижу пятен, историй тоже нет, есть только дизайн – в данном случае удачный, но этого мало, как по мне.

С литературой то же самое; то есть, понятно, что с литературой – в первую очередь.

За каждым винным пятном, за каждой царапиной на штукатурке, за каждой трещинкой на асфальте может стоять история. «Может» – значит должна.

Рассказывать все эти истории читателю вовсе не нужно. То есть, некоторые можно и рассказать, если очень захочется и не помешает развитию основного сюжета. Важно однако не сколько раз мы проболтаемся, а сколько раз промолчим.

За каждым написанным текстом должны стоять дополнительные нерассказанные истории, которые оставили следы в сознании автора и, как следствие, в темной, непостижимой и нечитаемой, но явственно осязаемой глубине текста.

От этих нерассказанных историй текст обретает плотность и достоверность, именно они дают тексту жизнь; собственно, они и есть жизнь.

Дурацкий школьный вопрос «что хотел сказать автор?» может (строго говоря, должен) оставаться без ответа. Но чем больше существует ответов на вопрос «о чем промолчал автор?» – тем больше шансов у жизни победить смерть в отдельно взятом тексте.

* * *

В сумерках разгорается старый уличный фонарь.

Это происходит так: сперва он медленно наливается бледным голубоватым сиянием, трепещущим, как пламя свечи на ветру. Причём чем ярче светится, тем сильнее дрожит. Потом вдруг ррраз – и гаснет.

И пауза.

И когда наблюдатель уже уверен, что фонарь больше не загорится, тот быстро и уверенно наливается тёплым оранжевым светом, таким ярким, что с непривычки приходится отводить глаза.

И это, конечно, очередная история о том, как всё устроено – тут и не только тут. Везде, вообще.

* * *

В такую погоду как нынче тут у нас (пасмурно, сухо, плюс двадцать) мне обычно кажется, что именно сегодня – лучший день моей жизни, идеальный, по моим меркам скроенный, до миллиметра выверенный день, а я сижу на месте, как балда.

Ну или не сижу, а иду гулять, или, напротив, пишу что-нибудь, или отправляюсь по каким-то незначительным делам, позволяющим делать приятные остановки в кафе. И все это вместо того, чтобы...

Чтобы – что?

А вот даже не знаю, что именно. Забраться на самый высокий холм? Уехать за город и бегать по лугам, выкрикивая детские заклинания? Вылезти на крышу и сидеть там, замирая от сладкого ужаса, глядеть в небо, ожидая, пока оттуда спустится лестница, предназначенная для возвращения домой беспутных ангелов и загулявших бодхисатв? Прыгать на одной ножке на берегу реки, в надежде, что мои дикие выходки заинтересуют и приманят русалок? Бежать по центральному проспекту, как разгоняющийся для взлёта самолёт? Покупать имбирное печенье и рассылать его далёким друзьям в пухлых бандеролях?

Я и правда не знаю, что следует делать таким как я в дни, подобные нынешнему.

Когда узнаю, скажу.

* * *

В темноте

Вечером по улице Вильняус, кое-как освещённой витринами и редкими зеленоватыми фонарями, шёл мальчик лет двадцати в слишком тонкой, не по сезону чёрной куртке с капюшоном и карманами на животе. Из-под куртки, впрочем, выглядывал толстенный зелёный свитер, скорее всего, домашней вязки.

Мальчик шел очень быстро, сунув руки в карманы, слегка ссутулившись, вернее, сложив всё тело «лодочкой», как складывают ладонь, чтобы набрать воды. Я знаю этот способ согреться на зимнем ветру, мы тоже когда-то ходили так в своих тонких куртках по берегу моря, тёмного, как концентрат всех зимних ночей, холодного, как сосулька за шиворот, горького, как лекарство, не знаю уж, от чего.

У мальчика было собранное, спокойное и отрешённое, но слегка озабоченное лицо, как у самурая, который собрался совершить ритуальное самоубийство, осталось только написать последнее стихотворение, произнести его, и можно впускать в себя смерть. Но пока не удалось подобрать правильное слово для третьей (к примеру) строки, нужное на один слог длиннее, чем надо, а синонима нет, или просто не вспоминается – ну и вот.

Некоторые люди всю жизнь, с детства до глубокой старости подбирают это чёртово слово, всегда готовые к смерти, но только не к торжеству несовершенства. Не худший, к слову сказать, удел.

Проходя мимо меня, мальчик вынырнул из своего внутреннего омуты и отчётливо спросил:

– И что теперь?

– Всё что угодно, – сказал дежурный по моей внутренней кухне, который всегда начеку, всегда готов прийти на выручку, если я не в форме и не понимаю, что происходит. – Всё что угодно, – сказал он, и голос мой звучал куда твёрже, чем в те дурацкие моменты, когда говорить зачем-то берусь я.

– Так и знал, – сказал мальчик.

И поспешил дальше.

А мы с дежурным по внутренней кухне пошли своей дорогой и купили себе у Маркса и Спенсера овсяного печенья, потому что жизнь продолжается, а значит, пора пить чай.

* * *

Вдруг дошло, что я – человек без прошлого.

То есть, события и факты я разумеется помню. Но они совсем не трогают меня. Прошлое – это неинтересно. Оно уже было, чего воду в ступе толочь?

Сделанное в прошлом по большей части хорошо, но тоже неинтересно – оно же уже сделано. А значит его всё равно что нет. Или даже не «всё равно что», а просто нет. И точка.

И так вообще всегда и со всем. Прожито, сделано, подумано, написано – прекрасно, унесите. Идём дальше. Там, впереди, ещё столько всего!

Сейчас я всё это новое проживу, сделаю, сформулирую, запишу, выдохну – и привет. Уносите. Дальше, дальше же! Что дальше?

Белая дыра, натурально.

* * *

Вечер воскресенья

На улице Вильняус подвыпивший человек в красной куртке громко кричал, грозя кулаками невозмутимому небу: «Завтра! На работу! Опять на работу! За что?!»

Вся скорбь мира сего – в этой незамысловатой сценке. Да такая густая, что когда горемыка ушел, она (скорбь) осталась лежать под фонарём уродливой темной кучкой.

Несколько минут спустя всё на той же улице Вильняус хмельные от вдохновения мальчишки лет сорока тщетно пытались прервать обсуждение какой-то непостижимой штуковины и попрощаться, подбадривая друг друга обещаниями: «Ну завтра на работе! С утра встретимся! И я тебе объясню! А я попробую вот так! И ещё спросим...»

Тёмный комок всей-скорби-мира-сего, лежавший под фонарем, рассеялся под напором их энтузиазма.

Если к вам придёт ангел с неба, добрая фея с волшебной палочкой, интеллигентный бес с преysкурантом на бессмертные души, золотая рыбка с новым корытом наперевес, или любой другой потенциальный исполнитель желаний, просите вдохновения, мой вам совет.

Остальное приложится.

А если не приложится, вы и не заметите.

* * *

Власть над миром заключается, кажется, в том, что становится плевать, будет ли по моему.

* * *

Внезапно вспомнилась история о том, как мой прадедушка Джон встречал Новый год.

Дело было, видимо, уже в тридцатые годы, потому что именно Новый год он встречал, а не лютеранское своё Рождество.

Так вот, однажды прадедушка Джон перепутал день.

Не то в доме не было календаря, не то дети вырвали лишний листок, об этом история умалчивает. Факт, что как-то раз утром тридцатого декабря прадедушка Джон приволок из сарая ёлку и велел домашним ее наряжать. В то время ёлку было принято наряжать в день праздника, а не заранее, поэтому домашние поинтересовались: а почему не завтра?

Как – почему? Да потому что сегодня тридцать первое декабря. Какое такое тридцатое? Тридцатое было вчера. Вот какие растяпы мои девочки, чуть Новый год не пропустили.

– Какие соседи? Что они знают, эти соседи? – снисходительно отвечал прадедусшка Джон на предложение выйти во двор и спросить соседей, какое сегодня число. – Что ты мне вчерашнюю газету суешь? – строго вопрошал он жену, побежавшую за свежей газетой, как за последним аргументом. – Готовьте стол, а я пошёл по делам.

И подмигнул так выразительно, что всем сразу стало ясно – на самом деле, не по делам, а за подарками детям.

Спорить с прадедусшкой Джоном было невозможно. Вы когда-нибудь пробовали спорить с человеком, которого однажды оштрафовали за вырванный из земли фонарный столб?

Ну и вот.

Поэтому вечером все члены семьи сели за стол и встретили Новый год на день раньше положенного. Если-пили, пели песни, танцевали, играли в лото и еще как-то развлекались. И дети нашли под елкой подарки. И всё было хорошо.

На следующее утро прадедусшка Джон понял, что всё-таки ошибся с датой.

– Ладно, – сказал он, – с кем не бывает. Есть ещё что на стол поставить? Готовьте давайте, а я по делам.

И пошел покупать еще одну партию подарков детям.

И вечером все снова сели за стол и встретили Новый год. Если-пили, песни, танцы, лото, все дела. И дети снова нашли под ёлкой подарки. Всю жизнь потом вспоминали этот двойной Новый год, как лучшее событие своего детства. Такой был сюрприз!

...Сейчас будет мораль, простая и несокрушимая, как золочёный новогодний орех.

Мы все время от времени ошибаемся, это естественный процесс. Поэтому следует учиться исправлять свои ошибки так, чтобы те, кто оказался рядом, вспоминали это потом всю жизнь с радостью и благодарностью.

Затем, собственно, и нужны нам ошибки – чтобы учиться выкруливаться на крутых виражах, из отчаянного «нет» в блистательное «да». Такой сюрприз будет от нас всему этому миру.

Такой прекрасный сюрприз.

* * *

«Внутренняя правда», о которой так много сказано в дальневосточных источниках умных цитат, это не какая-нибудь «честность перед собой» или, не знаю, «верность принципам» из добрых книжек о хороших людях. Это вообще не про этику.

Это – о наборе действий и мыслей, которые приводят к оптимальному (на данный момент) течению энергии в организме.

О внутренней правде можно сколько угодно говорить, но пока не воспринимаешь течение энергии в собственном теле, как некоторый вполне обычный физический процесс, типа тепла, щекотки, погружения в воду и т. п., говорить вообще не о чем. Нет предмета разговора. При том что процесс (течения энергии оптимальным, но чаще совершенно дурацким образом) – есть. И он, конечно, непрерывный. И вся совокупность поведения и убеждений на этот процесс влияет, вот хоть убейся, влияет, и все тут.

И пока мы не следуем внутренней правде (о которой понятия не имеем, невзирая на разговоры), мы получаемся страшные дураки. Ну, как будто навозу поесть, чтобы подкрепить силы. И даже не факт, что свежего.

Но ради всего вышесказанного не стоило бы трудиться писать. Потому что всё это и так понятно (мне), и формулировки уже давно не стремятся быть записанными, чтобы устаканиться по ходу и перестать крутиться в голове, нужной для других добрых дел, например, загрузки продовольствия.

Но.

Штука в том, что внутренняя правда подолгу одной и той же не бывает. Общей для всех – тем более, хотя случаются порой изумительные совпадения, свидетельствующие вовсе не о родстве душ, как принято говорить, а о родстве тел, которые – потоки.

На разных этапах жизни внутренняя правда разная. Поэтому за неё нельзя цепляться. То есть, цепляться нельзя даже за неё. В первую очередь – за неё, собственно.

Если объяснять на совсем уж простом примере, вот именно по этой причине многие люди разочаровываются в так называемых «идеалах юности». На их место обычно приходит разочарование и прочая высокая литература.

И разочарованный человек с горя выбирает для себя биологическое (то есть, более-менее способствующее физическому выживанию в социуме) поведение. И влачит унылое существование, вместо того, чтобы прислушаться к себе и подобрать новую оптимальную программу образа мыслей и действий, новый, актуальный на данном этапе идеал, которого не может не быть, потому что какой-нибудь способ поведения непременно приведет к правильному течению энергии. Надо только его найти.

То есть, ответ на вопрос: «Что такое хорошо, и что такое плохо?» – как ни удивительно существует. Просто он сугубо индивидуален и настолько переменчив, что, можно сказать, сиюминутен.

Нас, обладателей человеческих тел, убивает стремление оставаться последовательными. Потому что мы придуманы, чтобы прыгать и течь.

* * *

Вот какой-то человек выходит из дома в начале десятого вечера, потому что весь день сиднем сидел и работал – предположим, что так.

Какой-то человек на ходу придумывает себе повод куда-нибудь дойти, потому что иначе ноги его неуверенно сделают круг по ближайшему кварталу и поскачут домой – ура! дома можно ещё поработать!

Такие уж удивительные у этого человека ноги.

Чтобы обхитрить ноги, человек думает: ладно, пойду например в универмаг через речку. Там можно купить табак, который заканчивается. И закончится буквально послезавтра.

«Так завтра купишь», – ворчит одна из ног. Кажется, левая, она больше правой любит, когда человек работает и можно никуда не ходить. Но поздно. Возбужденный словосочетанием «табак заканчивается» человек уже приближается к пешеходному мосту. И ступает на мост, и идёт вперёд, желая перейти великую реку. Он где-то читал, что хулы не будет. Он много разного в свое время читал, этот человек.

...И взойдя на мост, слева человек видит небо, залитое струями солнечного света, как будто солнце – это просто такой фонтан. И его включили, потому что лето. И фонтан бьёт.

А справа человек видит пасмурное небо и две радуги, длинную-яркую и короткую-бледную.

На правую ладонь человека падают дождевые капли. Одна, другая, десяток, второй! Но человек не спешит убежать в укрытие. Человек стоит на мосту и растерянно таращится на свою левую ладонь, совершенно сухую. И на свой левый рукав, тоже сухой. И на правый, уже совсем мокрый.

Потом дождь, прошедший с правой стороны, утихает, и человек идёт дальше. В сухой левой руке он держит кошелек, а в мокрой правой руке ничего не держит. Уж больно она мокрая.

Потом этот человек придёт на другой берег и купит там табак. Но это уже не очень интересно.

Считается, что этот наполовину промокший человек – я. Многие люди совершенно в этом уверены. А я не знаю.

Но это и не важно.

* * *

Время метать бисер

Пришло время метать бисер.

Потому что свиней на самом деле довольно мало. Зато очень много детей разного возраста. Педагогически запущенных и не очень. Разных, короче.

А дети из бисера феньки делают. Даже когда он жемчуг. И это не самое лучшее, но и далеко не худшее применение.

Поэтому – надо метать.

* * *

Все спят, и никто не видит, как на город спускается густой туман абрикосового цвета.

Первым исчезает собор Святого Казимира, потом крыши других зданий, фонари, провода и деревья, остается только дом, в котором не сплю я, и парочка соседних строений, темных, тихих, плоских, как дешевые декорации.

Все спят, и никто не слышит, как истошно начинают орать птицы, обнаружившие, что от реальности почти ничего не осталось.

Некоторое время ничего не происходит, потом туман понемногу начинает редеть, по кусочку возвращая нам с птицами обетованную реальность. Ближе к утру даже намек на собор

Святого Казимира появится (в прежние дни появлялся), хотя сейчас трудно поверить, что в том месте может быть что-то кроме влажной оранжевой мглы.

...В предрассветных сумерках туман окончательно сдастся и неохотно сплюнет на мокрую траву пару-тройку ржавых гаражей, сизую стену и оставленный вчера возле неё мой автомобиль. Тогда можно будет поехать домой и лечь спать, потому что знали бы вы, как сладко спится между концом одного света и началом другого.

* * *

Всё живое

Некоторые (очень немногие, вряд ли больше десятка) блоги мне доводилось читать вглубь, вернее, из глубины, со дня основания. В процессе такого чтения всякий раз узнаёшь поразительные вещи, причем не столько о конкретном человеке, сколько о путях развития и упадка человеческого духа и еще о собственной неведомо откуда (и так некстати) взявшейся способности любить все живое.

На каком-то этапе обременения знаниями такого рода, хочется не то чтобы умереть, спасая человечество, скорее просто оказаться у всякого, без единого исключения, смертного ложа, держать за руку каждого, чей путь окончен, утешать байками, в которых будет гораздо больше правды, чем способен вместить живой организм, а умирающему в самый раз.

Это, я отдаю себе отчет, только выглядит воспалением милосердия и братской любви, а на самом деле очень эгоистическое желание. Просто до чёртиков надоело жить в мире, где почти нет ни деятельного утешения, ни даже внятного обещания его в финале, а потому люди вынуждены утешать себя сами – при том, что этого почти никто толком не умеет, и вместо утешения выходит оглушение. Всё равно что трезвому в пьяной компании сидеть – поначалу забавно, потом бесит, потом на какое-то время перенимаешь общее состояние, потом выходишь из него, и бесишься еще сильнее, потом бегаешь с мокрым полотенцем, пытаешься протрезвить хоть кого-нибудь, а потом просто устаёшь и начинаешь оглядываться – где тут у нас выход.

Можно предельно ограничить круг общения, можно запереться в башне из слоновой кости, можно бесконечно говорить с воображаемым другом, не препятствуя случайным свидетелям подслушивать, и даже почти верить, что ваши с воображаемым другом усилия изменят мир (а они, кстати, изменят, вопрос, насколько значительны и заметны будут изменения, и правильный ответ на него, увы, лишен избыточного оптимизма). Да много чего можно, просто довольно глупо не осознавать, что быть живым человеком на этой прекрасной земле означает являться частью общего контекста, сформированного при активном участии оглушённых – просто потому что их гораздо больше.

И будучи частью этого контекста, о чем ещё и мечтать, кроме как стать добрым швейцаром на выходе, который поможет надеть пальто, выслушает последние пьяные жалобы, утешит, пообещает, что всё будет хорошо, и вызовет такси.

...Это наверное удивительно и почти дико звучит в моих устах (даже для меня удивительно и почти дико), но каждым моим поступком, каждым жестом, каждым словом движет любовь, которая больше меня. И эта моя любовь всё ещё слишком прагматична.

Вообще-то, смешно – если отвлечься и посмотреть со стороны.

* * *

Всё непросто

Потому что, во-первых, до «просто» всем присутствующим еще несколько витков эволюции. Человек рождён из праха ради цветущей сложности и неизбежно сопутствующих ей заблуждений. Если кто смотрел британский сериал «Миранда», то здесь следует воскликнуть с интонациями ее мамы: «Это так весело!»

Потому что, во-вторых, лето перевалило за половину, и это тот счастливый момент, когда лично я не верю, что бывает зима. Знаю (теоретически), но не верю.

А ещё потому что из человеческого мира со свистом уходит смысл. Всё время, как воздух из шарика.

Дырки, через которые уходит смысл, можно залепить магией (в самом широком смысле слова). Любим, то есть, деятельным обещанием бессмертия.

Вот например искусством отлично залепляются дырки. Тем, которое подлинное и мёртвому зайцу разъяснено раз и навсегда¹.

Я не шучу про зайца. Ну, почти не шучу.

...Пустота, которая образуется на месте смысла, проще всего заполняется чувством собственной правоты. Такой уж материал, идеально ложится именно в эту дырку.

Как и смысл, правота требует действий. Но, как бы это сказать, несколько иных.

Если смысл требует нести его и наполнять всё, что подлежит заполнению, правота требует идти и истреблять всё, ей противоречащее. Вот почему отсутствие смысла неизбежно приводит к агрессии.

Проще говоря, если вам кажется, что для улучшения вашей жизни надо кого-то убить, у вас на месте смысла дырка. И вы отчаянно смертны – вот прямо сейчас.

* * *

Вспомнилось вдруг одно из самых регулярных наваждений позднего детства. Это когда окружающий мир вдруг начинает казаться двумерным, а дома (если накрыло на улице) – фанерными декорациями, пальцем толкни, рухнут.

Это было почему-то довольно приятно, совершенно меня завораживало. И казалось чем-то, не знаю даже, как сказать – нехорошим? неприличным? – как будто реальность вдруг стала без трюсов. Как будто вот сейчас она и есть «настоящая», какой её никто не видит.

(Хорошо ещё, что мне тогда не был известен целый пласт соответствующей литературы, а то сколько наивных спекуляций насчет майи породил бы на радостях детский ум, подумать страшно.)

И в связи с этим до меня вдруг дошло: с некоторых пор всё, что я делаю всеми доступными мне способами – про многомерность мира. Про то, что видимым слоем реальность не ограничивается, с него только начинается восприятие, и если им же заканчивается, это просто ущербность, физический недостаток; впрочем, устранимый.

¹ Здесь отсылка к знаменитому перформансу Йозефа Бойса «Как объяснять картины мёртвому зайцу».

Быть частью реальности и не ощущать (хотя бы) её текучесть, быть захваченным потоком времени и не чувствовать (хотя бы) его движение – ну, слушайте, так дело не пойдет. Я так не играю.

Вернее, я играю не так.

Поэтому всё, с чем я прихожу к вам под окна, чтобы докричаться и выманить из дома во двор, в открытый всем ветрам мир живых – про другие слои, про глубину, про абсолютно внятные, но не очевидные взаимосвязи всего со всем. И в первую очередь – человека с собственной глубиной.

* * *

Вся история модернизма представляется мне следствием того, что дух вдруг с каких-то хренов (скорее всего, просто для равновесия) решил являть себя уважаемому европейскому человечеству с большей, чем прежде интенсивностью и (вероятно по этой причине) самыми разнообразными способами. Ну, то есть, понятно, что слово «решил» тут неуместно, дух просто стал проявляться через искусство с удесятенной силой и разнообразными способами, словно бы заговорил с людьми на множестве языков одновременно в расчете, что хоть какой-нибудь, да поймут.

Художники, надо сказать, попали. Потому что когда ты вдруг делаешься мало того что инструментом проведения огромного количества духа, но еще и носителем нового художественного языка, который никто вокруг не понимает и учить, мягко говоря, не то чтобы вот прям все стремятся, в такой ситуации у тебя не так много шансов выжить – в самом простом, бытовом, физическом смысле этого слова. Тут вероятно следует напомнить общеизвестную, но чрезвычайно показательную легенду про Ван Гога, который пытался продать свою работу хозяину лавки художественных товаров по цене чистого холста и получил фигу, потому что холст, по словам хозяина, был «испачкан».

Хотя некоторые художники, в итоге, совсем неплохо устроились. Это называется «счастливая судьба».

Кстати, быть инструментом проведения духа без надлежащей психофизической подготовки – та ещё засада. Тело выдерживает с трудом и обычно недолго, хотя и тут, к счастью, бывают исключения.

Апофеозом, не побоюсь этого слова, беспредела является, конечно же бывший немецкий лётчик Йозеф Бойс, объявивший искусством всё, что лежит под солнцем. Бойс, который формально как бы просто художник, а на деле – шаман, практикующий на глазах у охреневшей от такого дела публики. Просто в Нижнем Море Бойс не ловил за хвост душу пациента и не договаривался с духами об удачной охоте, а решал вопросы искусства, такая уж у него была специализация.

«Человек нуждается в том, чтобы быть сформированным правильным образом. А это значит, что его следует вылепить. Он должен быть вылеплен абсолютно сверху донизу».

Это Бойс так рассуждал о педагогике. Люблю его за это, как можно любить только за общие заблуждения, потому что мне тоже кажется, что всё именно так и есть. Одновременно я понимаю, что подобные упражнения в скульптуре – чужая (уж никак не человеческая) компетенция. Но моё понимание ничего не меняет.

...Для меня художественное пространство (мир художественных практик – да как ни назови) очень четко делится на «до Бойса» и «после Бойса». Мне кажется, после Бойса заниматься искусствами (любыми), не будучи при этом хотя бы отчасти шаманом – бессмысленно. Или ты идёшь в Нижний Мир, голый, босой, ни хрена не соображающий, приносишь в жертву духам себя целиком, и если не будешь сочтен слишком лёгким, получишь место юнги на Летучем Голландце, патрулирующем границу между непостижимым и немислимим. Или ты сидишь дома и вышиваешь макраме на условиях почасовой оплаты, точка.

Ну, то есть. Без этого потустороннего ужаса можно, конечно, быть художником. Всё можно, красиво жить не запретишь. Просто совершенно бессмысленно – по большому счету. А по малому – нормально, всё как у людей. Можно даже к кормушке какой протолкаться. И задержаться там на неопределённый срок, с чадами и домочадцами.

Потому что если Бойса нет, всё дозволено.

Тут, если по уму, надо бы сказать ещё и о том, что параллельно с описанным крупномасштабным нисхождением духа происходил не менее крупномасштабный выпендрёж, развеселые игры ума и прочее дада, и этак непринужденно перейти к Энди Уорхолу, гению, современнику (почти) и абсолютному антагонисту Бойса.

Бойс объявил искусством весь мир, Уорхол – себя.

...Всё это было написано потому, что мне вот практически на днях удалось осознать и сформулировать принцип, по которому я оцениваю современное искусство – то есть всё, происходящее в художественном пространстве сейчас.

В первую очередь важно: что нам предлагает художник? Весь мир, или так или иначе оформленное «я»?

После Бойса и Уорхола это – единственный работающий принцип. Верьте мне. Я на мировом древе вот прямо сейчас висю. Или висю. Глагол «висеть», первое лицо, единственное число, настоящее время, короче.

* * *

Вход в магическое пространство происходит спокойно и естественно, а не с треском, визгом и экстазом, как учат нас разнообразные сокровища мировой культуры.

Для магического пространства прежде всего характерно полное отсутствие не только страха, но и самой возможности испытывать страх. Если страшно, то это какое-то не то пространство. Морок. Надо плюнуть как можно быстрее.

Зато выход из магического пространства почему-то сопровождается приступом эйфории.

Возникает закономерный вопрос: что это за место такое – текущая реальность, если сюда возвращаешься под кайфом? Наркотический бред с галлюцинациями? Или просто луна-парк, где надо развлекаться, а кто не развлекается, тот дурак?

Или что?

* * *

Вчера на улице Траку здоровенная глыба льда рухнула с крыши на землю в метре от моего носа, не вызвав ни намёка на привычные эмоциональные внутренние выкрики – ах!

смерть была совсем рядом! ах! мне посчастливилось её избежать! – и далее двигаться в сторону страха, или эйфории, или в обе сразу, в зависимости от индивидуальных предпочтений.

Честно говоря, вообще никакой реакции не вызвало у меня падение этой глыбы, кроме понимания, что она уже упала не на меня, а значит, и говорить (думать) не о чем, можно идти дальше. Не выскакивая при этом на проезжую часть, подальше от теоретически опасных крыш. И это не залихватский фатализм, а просто спокойное согласие с миропорядком, для которого я больше не заложник, лежать-бояться, лицом в пол, а – коллега.

Я – тоже миропорядок, и это не мания величия, а начальная стадия понимания того, как всё устроено. Не теоретического понимания умом, а практического понимания всем существом, так удачно вплетённым во все сущее, что бояться – нечего. Умом понимать, что существуют опасные ситуации, всё ещё можно, а влипать в них, трепеща нежным ливером – нет. И это уже более-менее похоже на свободу, как я её себе представляю; строго говоря, это и есть свобода, только пока не очень стабильная. Но и собственная нестабильность не пугает меня совершенно – тоже мне, подумаешь, проблема.

Вообще, все эти рассуждения – принудительный умственный труд, я пока (учитывая нестабильность системы) заставляю себя помнить, как было раньше, восстанавливать обычную для меня когда-то внутреннюю логику – теоретически, не влипая. Сравнивать. Повторять себе: смотри, было так, а стало этак.

И понимать, почему оно стало.

Собственно, только сегодня вечером мне удалось оценить описанное событие как происшествие. Теперь я смотрю на себя и понимаю, что это нечто совсем иное тут сидит. Совсем не то, что было еще недавно. И быть вот этим чем-то совсем другим мне очень нравится.

То есть, мне, кажется, впервые с момента рождения искренне нравится быть человеком на этой земле. Существом, словно бы специально созданным для стремительного прижизненного преобразования, которое начинается только по его воле и не заканчивается вообще никогда, потому что преобразование это – движение в сторону существа, которое не понимает, что такое «заканчиваться». Вообще не ставит вопрос таким образом.

И правильно делает.

* * *

Выбирая, чему и кому верить, человек на самом деле выбирает для себя тот вариант реальности, который ему проще принять.

Штука в том, что всякий поверивший (выбравший поверить) злу, тут же становится частью этого зла. И несет персональную ответственность за умножение зла.

Речь не о том, можно ли простить наивную-жертву-обмана. Речь о том, существует ли для каждой из таких жертв возможность спасения.

Теоретически спасение существует для всех. На практике – это очень трудно.

В художественной литературе душа обычно продается за всякие приятные бонусы. Деньги, власть, молодые девы и всё в таком роде.

Понимаете, чуваки. Художественная литература обманывает нас. Души покупаются много дешевле. За одно только сомнительное удовольствие сохранить привычную картину мира, сколь бы мрачной и унылой она ни была. Вернее, за неосознанное желание, чтобы твоя

унылая картина мира стала правдой для всех. Чтобы никто от неё не отвертелся. А то ишь развели романтику.

Возможность и дальше считать свою унылую правоту единственной правотой – стандартная цена за душу живую обычную бессмертную, одна штука. Такая душа попадает в ад немедленно и умножает его силу и полезную площадь – прямо здесь, на этой земле. Потому что другого ада всё-таки нет.

Но и данный нам в ощущениях – не сахар. И сколько не обрушивай на этот ад всю «убийственную мощь подвластного огня», стоит пока целехонек – очень уж крепко держатся за него миллионы кровно заинтересованных лиц.

* * *

Выйти из дома

Если сидеть вечером дома, приоткрыв окно, внешний мир кажется довольно неприятным, если не вовсе страшным местом.

Боеет ветер, с улицы доносится злобный собачий лай и неестественно громкие человеческие голоса – пьяный скандал? или даже драка? А потом кааак грохнет что-то. И автомобильные сигнализации кааак заверещат. Конец света натурально.

А если выйти из дома, окажется, что давешний грохот – это был фейерверк. А громкие голоса – компания студентов, пьяных, разве что, от холодного осеннего воздуха и хохота, то и дело пытаются разойтись по домам, даже делают по несколько шагов в разные стороны, но никак не могут прекратить разговор и расстаться навек, аж до завтра, потому, собственно и орут – просто от избытка. А «злобный собачий лай» – это щенок-подросток пристаёт к взрослой собаке, которая снисходительно отражает его атаки одной лапой и терпеливо ждёт, пока хозяйка перестанет любезничать с владельцем щенка и можно будет пойти домой. И ветер, который так страшно выл, влетая в мансардное окно, это просто свежий ветер с реки, захочешь не унесёт.

И это, если кто не понял, универсальный ключ и рецепт от всех страхов – приблизиться и внимательно посмотреть.

Г

Глупая маленькая белая кошка знает, что такое любовь.

Любовь – это лежать на неудобных скользких коленях неудобного скользкого, постоянно шевелящегося любимого существа, сползать с них каждые несколько минут, но не выпускать отросшие после стрижки когти, не цепляться, а шмякаться на пол, вздохнуть, запрыгивать обратно на скользкие неудобные колени, сворачиваться клубком и снова сползать на пол, но не выпускать когти, не цепляться, падать, вздохнуть и возвращаться – и так до бесконечности.

Глупый большой скользкий человек тоже знает, что такое любовь. Любовь – это сидеть в неудобной позе, задрав колени, едва касаясь пола кончиками пальцев ног, стараться поменьше шевелиться, чтобы глупая маленькая белая кошка падала и вздыхала как можно реже, и в этом удивительном мире, сотканном из глупости и любви, было чуть больше тишины и покоя.

* * *

Говорить (и думать) как бы о важном, как бы правильными словами из книжек уже выучились многие.

Я помню, в начале девяностых, когда все вдруг принялись массово читать свежееизданного Кастанеду, какую только херню не называли «точкой сборки». И какие только гадюшники, знаковые для какой-нибудь тусовки не именовали «местами силы».

А уж сейчас, когда специализированные журналы сообщают заинтересованной публике, например, о соревнованиях по йоге (чистая правда, своими глазами), не молоть чушь на соответствующую тему становится почти неприлично. И мне как живому существу страшно, а как исследователю дико интересно было бы не на словах обсудить, а перечувствовать все те удивительные состояния, которые разные другие мыслящие монады называют красивым книжным словом «медитация». Мы же все о принципиально разных состояниях говорим при этом, спорю на сто рублей.

...Друг мой недавно сказал, что как только появляется представление о «правильном» (поведении, состоянии, образе мыслей и пр.), оно автоматически подразумевает существование «неправильного», наличие которого нас и убивает.

И меня это в очередной раз окрылило, потому что в очередной раз стало можно вообще всё в этом мире, сотканном из пузырьков и лучей света. Какие могут быть правила для текущего света, кроме одного – быть светом. А не быть им никак нельзя, мы все с рождения – свет, кто спящий, кто бодрствующий, но в любом состоянии сияющий и текущий, иначе это был бы не свет, а что-нибудь другое.

Однако как деятельный исследователь происходящего, вундеркинд из спецшколы для трехголовых зайчиков и царь мира сего, я дипломатически протестую против полной невозможности совершить роковую ошибку и умными словами из книжек ее обсудить!

* * *

Город-сон

Шутливое предположение, будто князь Гедиминас, увидев во сне волка, так и не проснулся, а перевернулся на другой бок и стал видеть во сне город, могло бы забыться на следующий же день, если бы речь шла о любом другом городе. Но поскольку речь о Вильнюсе, эта версия прижилась и уже почти полностью заместила в моем сознании историческую правду. Иначе и быть не могло.

Здесь (я это регулярно говорю, потому что не просто правда, а одна из немногих базовых, фундаментальных правд) несколько потоков реальности, они почти не смешиваются, и можно (теоретически) войти в любой из них и оставаться там сколько душа пожелает, или (так точнее), сколько хватит внимания, намерения и сил.

Причем, если не входить ни в один из потоков намеренно (кто бы объяснил, как это можно сделать намеренно, и о каких «потоках» вообще речь, – думают сейчас многие читатели, и они по-своему правы), велика вероятность, что рано или поздно вы все равно макнётесь во все. Тем и удивителен Вильнюс, что здесь некоторые непростые процессы порой включаются сами, без усилий воспринимающего, и некоторые удивительные штуки тоже показываются сами, не требуя от нас никаких особых метафизических заслуг. Только сиди и смотри.

Один из потоков, в который, мне кажется, почти невозможно не войти, находясь тут, это город-сон. Я имею в виду, здесь происходит множество событий, которым место скорее в сновидениях, чем наяву. События эти сами по себе незначительны, но именно они создают ту совершенно особую городскую атмосферу, аналогов которой лично мне видеть не доводилось.

Вот сейчас я сижу на уличной веранде очередного «Кофеина» при торговом центре. Теоретически, нет места скучней и обыденней.

И вот просто в качестве эксперимента отрываюсь от компьютера и смотрю по сторонам. Чего происходит?

И вижу:

– Старик сидит в инвалидной коляске. В каждой руке у него по воздушному шарiku – синий и белый.

– Ребенок едет в детском автомобильчике с музыкой, которая, как я понимаю, играет от движения. Окрестности оглашаются пронзительным рождественским «Jingle Bells».

– Мать ребёнка бежит следом вприпрыжку, размахивает брендовыми пакетами с покупками и подпевает вслух.

– Человек, завернутый в жёлтый клеёнчатый дождевик, за неимением дождя, прыгает вокруг фонтана. Чтобы брызгало! Зря он, что ли, дурацкую клеенку надевал.

– Вокруг того же фонтана бродит девочка с кукольной коляской. В коляску кое-как упи-хан слишком большой для неё плюшевый динозавр.

По-моему, эксперимент удался.

И вот примерно так случается всякий раз, когда я вынырываю из внутренних потёмков и начинаю смотреть и слушать. Ни минуты без странных, нелепых происшествий, бессмысленных с точки зрения здравого смысла, но идеально укладывающихся в логику сновидения.

Вы можете сказать, что дело в смотрящем и слушающем, т. е., во мне. Теоретически, это правда. Но многие люди, побывавшие в Вильнюсе и гулявшие здесь без меня, подтвердят –

такой фон городской жизни тут норма. Как, по словам очевидцев, написано на стене одного израильского кафе, ЗДЕСЬ – ТАК.

Д

Даже удивительно, насколько всё сводится к совсем простым базовым вещам, которые начали казаться докучливыми банальностями ещё в детстве.

Есть два вопроса:

1. Ты можешь обидеть того, кто слабее? (Важное уточнение: нанести ущерб именно в той сфере, где другой слабее. То есть, не только тупо ударить хлипкого, но и подразнить эмоционально уязвимого, обобрать бесхитростного, напомнить о более низком социальном статусе и т. п.)

2. Тебе это нравится?

Честный ответ на первый вопрос будет утвердительным у каждого, даже с ангелами порой такое случается, потому что иногда просто трудно рассчитать, кто слабее в конкретной ситуации, а иногда, чего уж там, бывает состояние аффекта, и тогда спасайся кто может.

Важная правда о нас, конечно, в ответе на второй вопрос.

...Очень страшный, социально одобряемый (даже более одобряемый, чем водка) наркотик это наслаждение иллюзией собственного превосходства. Один из самых простых способов дёшево и невыгодно продать душу. И такой прельстительный.

В бездне, которая уготована его жертвам, нет ничего интересного. И вообще ничего. Вот в чем штука.

* * *

Два Вильнюса

На самом деле, конечно, гораздо больше чем два. И даже чем уайлдеровские «девять городов». Вильнюс в этом смысле как торт «Наполеон» Мёбиуса, если вы хоть примерно представляете, что я имею в виду.

Но простоты ради можно говорить только о крайностях.

В одной из крайностей живу, например, я. И мне регулярно приходится слышать, что к так называемому «реальному» Вильнюсу моё представление об этом городе не имеет никакого отношения. Потому что у нас же тут «БУУУ!» – а не «тру-ля-ля». И даже так: «БУУУУУУ-УУУУУ!» Чтобы проняло.

Это обычное дело – самую скучную, паскудную, подлую интерпретацию происходящего называть «реальностью», а все остальное объявить романтической фантазией, или просто глупостью. Изредка делают наоборот, то есть, «реальностью» объявляют только то, что нам нравится. Так, конечно, гораздо приятней, но тоже довольно глупо.

Правда же состоит в том, что всё – реальность. Точнее, реальность – это всё вместе. Сумма бесконечного (или почти) числа слагаемых. Сами же слагаемые вполне равнозначны, каждое из них не вся правда, но ее обязательная часть, вот в чем штука.

Да, так вот. Что касается Вильнюса. Вернее, Вильнюсов. Если брать два крайних варианта, это будут мой город-сон и такая унылая херня, что даже описывать словами её не хочется, вдруг одно из них к небу прилипнет, и как я тогда стану жить.

При этом у настоящего Вильнюса (который есть сумма всех представлений о нем) очень хороший характер. Он легко и охотно соглашается со всеми мнениями о себе. И соглашается не словом, а делом: чего от него ожидаешь, то и получишь, чего напредставляешь, в том и будешь жить.

Казалось бы, чего проще – замри на пороге в ожидании десерта и наслаждайся потом всю жизнь.

Поэтому, кстати, так хорошо тут счастливым туристам. Среднестатистический турист, приезжая в незнакомый город, ждет все же скорее праздника, чем фуфла. Хотя бывают такие специальные фуфлоискатели, прям с первой минуты так и рыщут в поисках недостатков и проблем, но это всё же скорее патология, чем норма.

В общем, среднестатистический турист получает тут свой праздник по полной программе. Турист же несреднестатистический получает здесь такое, что словами не расскажешь. Ну, то есть, расскажешь – кое-что. Одну тысячную примерно часть.

...О местных жителях говорить пока не буду вообще, местные жители – это отдельная большая тема, о каком бы городе ни шла речь.

А с приехавшими надолго жить и работать выходит интересно и очень непросто, потому что легко сказать – имей хорошие ожидания. Когда они, негодники, по большей части, вообще бессознательные – ожидания-то. Настороженная готовность к плохому настолько норма для современного человека (особенно когда он не в отпуске), что её даже не замечают, не выделяют как некоторое особенное состояние. Норма – она норма и есть.

А в таком пластичном городе как Вильнюс настороженная готовность к плохому – это конец всему. В смысле, полный бейт.

Так вот, приехать и поселиться в моём Вильнюсе, прозрачном городе-сне, очень трудно. Но некоторым все-таки удаётся. Время от времени я слышу истории о разных странных людях – английском профессоре, канадском лесорубе, немецком враче – которые приехали в Вильнюс, влюбились с первого взгляда и живут теперь тут долго и счастливо, палкой не выгонишь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.